

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-изд., доп. М., 2006.

14. Федоров А.В. Творчество Лермонтова и западные литературы. Л., 1967.

15. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

16. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : моногр. Волгоград, 2008.

17. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. М., 1994.

*Emotional world of the lyrics
by M.Y. Lermontov of the boarding
school period*

The issue of "rational-emotional" in literature is a multi-level one, thus the analysis of the originality of the emotional world of Lermontov's lyric character of the early period (1828-1830) is carried out with the achievements of the modern psychological science.

Key words: *lyric poetry, romantic character, emotions, feelings, poetic language, emotives, frustration.*

Е.В. КАЛАШНИКОВА
(Волгоград)

**РОМАН Д.Н. БЕГИЧЕВА
«СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХ»
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ 1830-х гг.**

Рассматривается роман Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских» как пример нравоописательной беллетристики своего времени, а также в связи с основными ценностными установками историографии Н.А. Полевого, получившими реализацию в одном из ведущих направлений современной науки – частной истории, или истории повседневности.

Ключевые слова: *«второстепенная» проза, нравоописательная беллетристика, быт эпохи, категория повседневности, частная история.*

«Есть <...> в России масса произведений бесформенных, по-деревенски, по-помещицки тягучих повестей и романов, которые утеряли всякое значение в целом, но которые таят в себе жемчужины отдельных мыслей и изображений», – писал А. Блок в 1919 г., когда по инициативе М. Горького ему было поручено

составить для популярного издательства З.И. Гржебина список произведений русской словесности XVIII–XIX вв., в большинстве случаев малоизвестных. Цель подобной акции, по мнению поэта, была более чем достойная: возродить забытые или полузабытые имена, представить читающей публике отечественную историю, ее «ошибки, падения, взлеты», преданные забвению, но «добытые человеческой кровью» и страданиями. «Эти жемчужины надо сохранять», – резюмировал поэт [2, с. 136–138].

Именно к такого рода сочинениям, действительно «тягучим» по объему, но весьма репрезентативным по содержанию, следует отнести сочинение одного из литераторов пушкинской поры Дмитрия Никитича Бегичева (1786 – 1855) «Семейство Холмских: Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, Русских дворян» (ч. 1 – 6, 1832), выдержавшее при жизни автора три издания.

Между тем в российском литературоведении характеристике этого произведения находится место в обзорах «второстепенной» прозы 1830-х гг. и библиографических словарях, что в совокупности вряд ли составит более трех десятков страниц [7, с. 194]. Чаще (но опять же лаконично) пишут о Д.Н. Бегичеве в связи с его знакомством с В.А. Жуковским, В.К. Кюхельбекером, В.Ф. Одоевским, отмечают родственные отношения с Д.В. Давыдовым. Несколько углубляют биографическое пространство сведения о старшем брате Степане Никитиче Бегичеве, которому выпала честь сохранить, а затем передать через дочь текст одной из ранних редакций «Горя от ума», известной как «музейный автограф», рассеявший скептические домыслы в отношении истинного автора комедии [11, с. 388–443]. Однако по большому счету и Д.Н. Бегичев, как отмечает В.П. Мещеряков в своей монографии о Грибоедове, был «избранным»: состоял с драматургом в длительной переписке, входил в его литературное окружение, а самое главное – неоднократно присутствовал при чтении самим Грибоедовым фрагментов произведения. Что касается романа «Семейство Холмских», исследователь бегло заостряет внимание на его отдельных героях, в которых можно уловить черты сходства со знаменитыми грибоедовскими персонажами [8, с. 16 – 20]. Уже за эти жесты поддержки мы должны быть благодарны малоизвестному сочинителю.

В основном же Д.Н. Бегичев посвятил себя государственной службе, свершив на этом поприще немало благих дел. В последнее время вспоминают его губернаторство в Воронеже (1830–1836) и ту помощь, материальную и моральную, которую он оказал А.В. Кольцову (не случайно одно из стихотворений последнего называется «Благодетелю моей родины Д.Н. Бегичеву») [5, с. 74–85].

Помимо вышеназванного романа, перу Бегичева принадлежит несколько других крупномасштабных сочинений: «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (ч. 1–4, 1840), «Провинциальные сцены» (1840), «Последствия услуги, оказанной кстати и во время» (1842), «Записки губернского чиновника» (1845), «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (1851). Любопытно, что все произведения подписаны одинаково: «Сочинение Автора “Семейства Холмских”». Между тем сам роман вышел в 1832 г. анонимно. Видимо, звание писателя, по представлениям публики (и, наверное, самого автора), не во всем соответствовало высокому статусу должностного лица, будущему сенатору. Но это скорее из области предположений, хотя и вполне реальных.

Что касается современной Бегичеву критики, то она оценила «Семейство Холмских» весьма неоднозначно. Так, с большой похвалой отозвалась о нем газета Ф.В. Булгарина «Северная пчела», но такая похвала имеющего далеко не положительную репутацию издателя скорее компрометировала автора. В.Г. Белинский занял несколько двойственную позицию. По его словам, в романе «довольно живые картины русского быта в юмористическом роде» соединены с избытком сентиментальности и резонерства [1, т. VIII, с. 58], что в целом не мешало критике признавать объективную необходимость так называемой литературы «второго» плана. «Вспомним романы и повести Нарезного, Булгарина, Марлинского, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Полевого, Погодина. Здесь не место рассуждать о том, кто из них больше сделал, чей талант был выше; мы говорим об общем им всем стремлении – сблизить роман с действительностью, сделать его верным зеркалом» (Там же, т. X, с. 291). Это перечислительный ряд вполне может быть дополнен именем Д.Н. Бегичева.

Зато Н.И. Надеждин в своем журнале «Телескоп» не поскупился на откровенно негативные оценки. Хотя он и писал, что произведение «нельзя назвать явлением совершенно лишним, бесполезным в нашей литерату-

ре», тем не менее определил форму романа как «избитую» и «устарелую», отметил композиционную дробность, отсутствие «электрического движения», «органической целостности»; подчеркнул, что в «Семействе Холмских...» «ни одно лицо не связывается с другим, ни одна сцена не держится за другую союзом общей жизни». Главным недостатком сочинения Надеждин считал отсутствие истинных характеров: герои Бегичева, на взгляд критика, – «восковые, бесцветные, безжизненные фигуры», гипсовые «слепки», и прочитать этот роман под силу только тем, «кого природа снабдила долготерпением» [10, с. 328 – 329].

Что ж, насчет «долготерпения» критик был прав. Однако с позиций нашего времени вопрос о значении произведений, подобных анализируемому, предполагает иную расстановку акцентов. Бесспорно, Д.Н. Бегичев не входит в разряд «первостепенных» авторов, но его произведения не имеют никакого отношения и к низкопробной «легкой» беллетристике. Это тот случай, когда художественная ценность текста не является первичным критерием и уступает познавательной. Те «мелочи» быта, которые могли утомить (и утомляли) искusstвенного в искусстве современника, сейчас воспринимаются как экзотические «жемчужины», о которых говорил А. Блок, обладавший безупречным эстетическим вкусом.

Литературу, созданную «второстепенными» авторами, уместно уподобить своеобразной теневой системе, которая является проекцией высших художественных достижений на структуры низшего уровня. Не будем забывать и мы, что традиция нравоописательной сатиры, зародившаяся в XVIII в., талантливо подхваченная В.Т. Нарезным (которого, кстати, тоже пришлось «возродить» в XX в.) и другими «смехотворными» сочинениями, была впоследствии поднята «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя на небывалую высоту [4, с. 126–137], а «семейное» повествование Бегичева вылилось в «хроники» С.Т. Аксакова и, конечно, в «мысль семейную» в произведениях Л.Н. Толстого.

Таким образом, надо отметить, что соотношение «большой» и «малой» сфер литературной жизни варьируется. Так, Н.А. Вердеревская, исследуя типологию романских форм 1840–1860-х гг., высказала мысль о том, что «экспериментальность большой литературы делает возможным ее контакт с низкими жанрами», в частности романов Ф.М. Достоевского с переводным романом приключений и романом-фельетоном [3, с. 104]. Д.Н. Бегичев же обратился к специфическому для оте-

чественной словесности данного периода жанру, не определившемуся еще в художественно-эстетических параметрах, которые в полной мере реализуются под пером его великих последователей.

Показателен и следующий факт. В 1832 г. Н.И. Надеждин с иронией писал об «азбучной нравственности» романа Бегичева, о том, что у него есть только одно преимущество: это произведение принадлежит к тем, которые «по известной поговорке, *мать может безопасно давать дочери...*» [10, с. 330]. А в созданном через полвека по инициативе Л.Н. Толстого издательстве «Посредник», предназначенном в том числе и для нравственного просвещения народа, «Семейство Холмских...» было переиздано (правда, в сокращенном виде) с целью напоминания именно «азбучных», а точнее – евангельских – истин, предполагающих ежедневное решение житейских проблем: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Мф. : 6: 11).

Более того, принципиально важно, что выходу в свет романа активно содействовал Н.А. Полевой, литературный и театральный критик, писатель, переводчик, а главное – историк-профессионал, чей журнал «Московский телеграф» с конца 1820-х гг. с беспрецедентной настойчивостью из номера в номер публиковал фрагменты трудов выдающихся западноевропейских историков: Б.-Г. Нибура, О. Тьерри, Ф. Гизо и др. Закономерен вопрос: имеет ли какое-либо отношение к данной акции содействие Полевого «второстепенному» беллетристу Бегичеву? На наш взгляд – прямое. И вот почему.

Касаясь отечественной историографии, прежде всего Н.М. Карамзина, издатель «Московского телеграфа» вполне искренно отдавал дань уважения ему и его «бессмертному творению». Однако, как представитель нового поколения, считал Карамзина писателем ушедшего («не нашего») века; отмечал, что «История Государства Российского» по существу «неудовлетворительна», «не выдерживает строгой критики», как и сравнения с вышеназванными историками-мыслителями [9, ч. XXVII, с. 475–490]. А в октябре 1829 г. Полевой анонсировал уже собственное сочинение, которое самим названием «История русского народа», играющим роль концептуального заявления, бросало прямой вызов карамзинской традиции: «... я хотел изобразить жизнь Русского народа, его политическое и гражданское состояние, его нравы, обычаи, так сказать, физиогномию народа в каждом периоде ...» (Там же, ч. XXIX, с. 2). Во главу угла при этом ставилось не только представление «духа народ-

ного», но и беспристрастное изложение изображенного предмета «во всех его многочисленных подробностях» [9, ч. XXIX, с. 3].

Вышедший вскоре первый том «Истории...» Полевого еще более заострил антикарамзинскую направленность. Во-первых, свой труд автор демонстративно посвятил Нибуру как «первому историку нашего времени», во-вторых, вновь подчеркнул «главную ошибку» великого предшественника: Карамзин – «Историограф Империи». «Это собственно История Государей, а не государства, не народа...» [12, с. XXXV–XXXVI].

Все это, видимо, давало Н.А. Полевому основание видеть в Д.Н. Бегичеве единомышленника. И вот в каком смысле.

Казалось бы, роман «Семейство Холмских...» не вполне оригинален по материалу: он органично вписывается в многочисленные очерки «большого света», в описания «картинных галерей» и сцен столичной и провинциальной жизни. Однако именно из этого пространного, «тягучего» (по словам А. Блока) жизнеописания составляется адекватное представление о тех ценностях, настроениях, пристрастиях и вкусах, которыми жила значительная часть русского общества.

Вновь вернемся к рецензии на «Семейство Холмских...» Н.И. Надеждина. Помимо прочего (даже безотносительно к Бегичеву), в ней фигурирует понятие «истины материальной», которая представляет собой слепок «с натуры», что (если согласиться с критиком) «явно вредит» эстетическому наслаждению, зато весьма дорого ценится «любопытною догадливостью» читателя, познающего «быт русского дворянства в лицах» [10, с. 328]. А отсюда уже нетрудно перейти и к Н.А. Полевому, который рассматривал свою «Историю...» как «жизнеописание» народа, «изменяющихся мнений, исчезнувших нравов и обычаев» [12, с. XXIV]. Бытописание, таким образом, сформировало определенную концепцию историзма, весьма актуальную в наше время.

Произведения, рисующие «быт и нравы» эпохи в целом или определенного социального слоя, традиционно относимые к жанру нравоописательной литературы, органично вписываются в популярное сейчас научное направление – *историю повседневности*, или *частную историю*, где доминируют феномены будничности, привычности, обыденности. Именно эти факторы имел в виду А.С. Пушкин в стихотворении «Осень (отрывок)»: *К привычкам бытия вновь чувствую любовь: / Чредой слетает сон, чредой нисходит голод...* [13, с. 264]. Это, конечно, иной тип историзма,

основывающийся прежде всего на антропологических параметрах, на категориях «здравого смысла», «золотой середины», истоки которых восходят к именам античных мыслителей. Для автора-бытописателя, каким и был Бегичев, человек важен в своих повседневных проявлениях: внешний вид, манера поведения, речевые особенности, соблюдение или несоблюдение светского этикета. Именно на изучении быта и бытового поведения и обыденного сознания индивидуума строил в конце 1980-х – начале 1990-х гг. свою концепцию русской культуры Ю.М. Лотман. В деталях одежды, системе жестов, обстоятельствах частной домашней жизни и т.п. он искал культурный код эпохи, выводящий на ценности высшего порядка, ибо «мир идей неотделим от мира людей, а идеи – от каждодневной реальности» [6, с. 10].

Категория повседневности действительно переводит историю в другую плоскость. Бытовые детали, подмеченные автором, помогают читателю ощутить «дух времени», соотнести частное существование личности с общечеловеческим. Выражение «практической философии ума русского» [1, т. I, с. 50] мы и находим отчасти в романе Д.Н. Бегичева. Поэтому не вызывает сомнения: в литературе первой трети XIX в. он занял свою вполне законную «нишу».

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953 – 1959.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М. – Л., ГИХЛ, 1963. Т. 6.
3. Вердеревская Н.А. Русский роман 40–60-х годов XIX века (Типология жанровых форм). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
4. Жаравина Л.В. В преддверии гоголевского смеха // Рус. литература. 1975. № 1.
5. Кикина Л.Д. Д.Н. Бегичев (1786–1854) // Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX – начало XX в. / ред.-сост. В.А. Тонков, О.Г. Ласунский. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб. : Искусство – СПб., 1994.
7. Мещеряков В.П. Бегичев Д.Н. // Русские писатели. 1800 – 1917: биограф. словарь. Т. 1: А – Г. М. : Сов. энцикл., 1989.
8. Мещеряков В.П. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX в.). Л. : Наука, 1983.
9. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. М. : В типогр. Августа Семена, 1829.

10. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М. : Худож. лит., 1972.

11. Пиксанов Н.К. История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // Горю от ума / А.С. Грибоедов. М. : Наука, 1987.

12. Полевой Н.А. История русского народа. М. : В типогр. Августа Семена, 1829. Т. 1.

13. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3.

Novel by D.N. Begichev “The Kholmisky Family” in the context of literary life of the 1830s

There is considered the novel by D.N. Begichev “The Kholmisky Family” as the example of moral descriptive fiction of its time, as well as in connection with the main value guidelines of historiography of N.A. Polevoy implemented in one of the leading areas of the modern science – particular history, or the history of everyday life.

Key words: “secondary” prose, moral descriptive fiction, way of life of the epoch, category of everyday life, particular history.

Н.Г. ЮРИНА
(Саранск)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В.С. СОЛОВЬЕВА

Показано, что в творчестве В.С. Соловьёва особое место занимают биографические произведения в их важнейших разновидностях – документальные, беллетризованные, научные.

Ключевые слова: жанр биографической прозы, беллетризованные, документальные и научные биографии, художественные особенности, композиция, художественные приемы.

Биографические произведения в художественном творчестве Владимира Сергеевича Соловьёва – количественно небольшая, но чрезвычайно интересная часть его наследия. Они практически не изучены, в отличие от его философии, поэзии, публицистики и литературной критики. Тем не менее совершенно очевидно, что обращение к художествен-